

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

=====

Оригинал здесь: <http://cfrl.ru/prose/panaev/panaev.shtm>

=====

Часть первая (1830 - 1839)

ГЛАВА I

(вступительная)

Благородный пансион при Петербургском университете. - Профессора и преподаватели. - Речь на акте. - Граф Хвостов. - Письмо ко мне литератора Римского-Корсакова. - Литературный вечер у него. - М. И. Глинка и барон Дельвиг. - Литературные шуты. - Экзамены. - Пирамида и шапочка. - Выход наш из пансиона с помощью влюбленного инженера. - Несколько заключительных слов.

Приступая к моим литературным воспоминаниям, я должен говорить и о самом себе, настолько, насколько это необходимо для связи рассказа. Я буду откровенен. Обличать самого себя труднее, чем других; но я постараюсь быть твердым и не поколеблюсь при мысли, что моя откровенность может подать повод к более или менее остроумным выходкам против меня журнальных и газетных канцеляристов. Такие выходки давно уже не производят на меня никакого впечатления. Отрешившись мало-помалу от большей части диких взглядов и предрассудков той среды, в которой я взрос и воспитался, я могу говорить о своем прошедшем, не смущаясь.

Я учился в Благородном пансионе при Петербургском университете (теперь 1-я гимназия). Перед этим я был помещен в Высшее училище (теперь 2-я гимназия), в котором я пробыл только две недели... Я умолял, чтобы меня взяли оттуда, потому что не хотел учиться вместе с детьми разночинцев и ремесленников. В двенадцать лет, несмотря на совершенное ребячество, я уже был глубоко проникнут чувством касты, сознанием своего дворянского достоинства. Мольбы мои взять меня из Высшего училища нашли не только совершенно основательными, но даже некоторые из близких мне людей рассказывали об этом своим знакомым с гордостью: "Дитя, а какие высокие чувства!" - и я выиграл этим в глазах родных и знакомых.

Меня определили в Благородный пансион. Эти благородные пансионы существовали единственно только для детей привилегированного класса, родителям которых казалось тогда обременительным и бесполезным подвергать своих избалованных и изнеженных деток излишнему труду и тяжелому университетскому курсу, наравне с какими-нибудь разночинцами и семинаристами. Курс благородных пансионов едва ли был не ниже настоящего гимназического курса, а между тем эти пансионы пользовались равными с университетами привилегиями. Некоторые профессора университета и учителя не скрывали по этому поводу своего негодования и высказывали его очень резко, особенно на экзаменах. Они пожимали плечами, покачивали головами и справедливо замечали, что награждать университетскими привилегиями таких неучей, как мы - вопиющая несправедливость. Об этом нам особенно часто повторял учитель латинского языка, преподававший этот язык также и в Высшем училище. Он с каким-то особенным ожесточением нападал на нас. Неблаговоспитанность его доходила до крайних пределов. Если кто-нибудь из нас не знал урока и повторял подсказываемое ему сзади товарищем, - то учитель, насупив свои густые брови, восклицал обыкновенно:

- Коли будешь слушать чужие речи, то тебе взвалят осла на плечи. - Болван!

При таких грубых выходках оскорбленные ученики поднимались со своих скамеек и в один голос говорили:

- Покорно прошу обращаться с нами вежливее. Здесь не Высшее училище. Мы дворяне.

- Ах вы, пустоголовые дворяне! - возражал учитель: - ну какой в вас толк? Да у меня в Высшем училище последний ученик, сын какого-нибудь сапожника, без одной ошибки проспргает глагол амо, покуда я его держу на воздухе за ухо...